

С. Н. Кабельков

О ПООЩРИТЕЛЬНЫХ НОРМАХ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

Следует признать то обстоятельство, что УПК РФ с позиции законодательной техники достаточно удачно регламентирует применение принуждения к участникам уголовно-процессуальных отношений. Так, раздел IV «Меры процессуального принуждения» содержит исчерпывающий перечень мер принуждения и пресечения, а также основания и условия их применения. В нормах данного раздела четко прослеживается гипотеза, диспозиция, санкция. Однако, констатируя наличие принудительных норм, нельзя не обратить внимания на группу норм, которые предписывают некоторые благоприятные последствия в отношении участников уголовного судопроизводства, а значит, их можно отнести к числу поощрительных. Гуманистические начала уголовного судопроизводства ярко демонстрируются, например, при прекращении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям, не исключающим дальнейшего производства по делу. Представляется, что поощрительные нормы российского уголовно-процессуального законодательства должны отвечать требованиям, сформулированным общей теорией права. Поэтому законодателю следует обратить внимание на систематизацию норм, содержащих в себе элементы поощрения. Для решения этой задачи необходимо дать перечень поощрительных норм, определить круг участников, которым они могут быть адресованы, а также регламентировать механизм их применения.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, поощрительные нормы уголовно-процессуального права, свидетельский иммунитет, прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям, особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, производство в отношении специальных субъектов.

S. N. Kabelkov

ON INCENTIVE MEASURES IN CRIMINAL PROCEDURAL LEGISLATION

It has to be certainly admitted that the Criminal Procedure Code of the Russian Federation fairly effectively administers the application of coercion to the participants of criminal procedural relations. For instance Section IV «Procedural coercive measures» has a complete list of coercive and restrictive measures, as well as their grounds and application conditions. The norms of the section clearly show hypothesis, disposition and sanction. However, having stated the existence of coercive norms, it should not go unmentioned that there is a group of norms that commands certain positive outcomes for participants of criminal proceedings, thus they can be viewed as incentive. Humanistic principles of criminal proceeding are clearly demonstrated when criminal cases are dismissed due to non-rehabilitative grounds which do not exclude further proceedings on the case. It is submitted that incentive norms of Russian criminal procedural legislation should qualify the demands defined by the general theory of law. That is why the legislator should pay attention to the systematization of norms with incentive terms. To solve this problem, one should define the list of incentive measures, participants to whom they may be addressed and administer the procedure of application.

Keywords: incentive measures of criminal procedural legislation, witness immunity, dismissal of criminal case on non-rehabilitative grounds.

Исследование вопроса о сущности, содержании и значении поощрительных норм имеет большое теоретическое и практическое значение, но к настоящему времени он должным образом не исследован [1, с. 97—102]. Так,

известный теоретик права С. С. Алексеев писал: «В юридической литературе иногда обособляются в самостоятельный вид поощрительные нормы, т. е. нормы, устанавливающие меры поощрения за совершение действий, особо полезных для

общества» [2, с. 80]. Со специально же юридической стороны, в плоскости которой осуществляется классификация юридических норм, полагал С. С. Алексеев, поощрительные предписания не образуют единой группы. В эту группу входят две разновидности обязывающих норм (нормы, устанавливающие основную обязанность по отношению к поведению, которое стимулируется поощрением; нормы об обязанности того или иного органа при известных условиях осуществить поощрение) и два вида управомочивающих норм (нормы о праве лица на получение поощрения; нормы о праве компетентного органа назначить поощрение). «Причем, — отмечал С. С. Алексеев, — суть поощрения не в том, чтобы обеспечить реализацию юридических норм (что характерно для санкций), а в том, чтобы непосредственно стимулировать нужное поведение, быть внеправовым стимулятором» [2, с. 80, 81].

М. С. Строгович среди норм уголовно-процессуального права не выделял поощрительные нормы. Он указывал, что в уголовном процессе значительное место занимают нормы, управомочивающие, предоставляющие определенные права участникам процесса. Когда нормы уголовно-процессуального права предоставляют и гарантируют права лицам, гражданам, участвующим в процессе, обязанность суда, прокуратуры и органов следствия — обеспечить этим лицам возможности для полного и беспрепятственного осуществления этих прав. Только от самих участвующих в деле лиц — обвиняемого, потерпевшего — зависит, воспользоваться ли теми или другими правами или не воспользоваться ими, например, возбудить или не возбудить ходатайство. «В этом смысле, — считал М. С. Строгович, — соответствующие управомочивающие нормы диспозитивны (в отличие от остальных — императивных)» [3, с. 47]. При этом, по мнению И. С. Дикарева, для государственных органов и их должностных лиц действует общеправовой принцип: им разрешено только то, что прямо предусмотрено Конституцией РФ и законом. Для них не может быть какой-либо диспозитивности, произвольности действий [4, с. 39].

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что поощрительные нормы — это разновидность управомочивающих норм. Вместе с тем допустимы и иные суждения. Недаром Г. С.

Русман свое исследование вопроса о поощрительных нормах в уголовном процессе отнес лишь к «постановке проблемы» [5, с. 75—79].

Следует отметить, что поощрительные нормы имелись уже в первых нормативно-правовых источниках только формирующегося российского государства, например, в отдельных положениях Русской Правды. Так, применительно к делам о воровстве говорилось: «...кто, не будучи задерживаемым, сам приносил владельцу им похищенное ... не подвергался никакой ответственности» [6, с. 188].

В юридической литературе начала XX в. А. А. Жижиленко сформулировал следующий тезис: «...борьба с преступностью не сводится лишь к применению наказаний, и что наряду с наказанием или взамен него уместно применение и других мер» [7, с. 317]. В это же время П. А. Сорокин высказал предложение о необходимости создания «наградного» права по аналогии с уголовным правом [8, с. 125], которое бы регламентировало порядок освобождения от уголовной ответственности. Развитие данной теории привело, по мнению Л. В. Головки, к тому, что «одной из форм борьбы с преступностью стало применение мер, не только заменяющих либо дополняющих наказание, но и вообще исключающих уголовное преследование как таковое» [9, с. 74].

Возможность применения в праве поощрительных мер обсуждалась и в советский период отечественной юриспруденции [10, с. 40]. Современное зарубежное уголовно-процессуальное законодательство государств романо-германской правовой семьи содержит нормы, которые можно отнести к поощрительным [11, с. 165]. Государства с англо-саксонской системой права широко применяют сделки с правосудием, в процессе которой обвиняемый признает себя виновным в обмен на снижение тяжести обвинения, обещание снисхождения при назначении наказания или какое-либо другое отступление в сторону смягчения от использования полной, максимальной власти суда при осуждении и назначении наказания [12, с. 14].

Вышеизложенное указывает на существование в уголовно-процессуальном законодательстве различных государств, в том числе и Российской Федерации, норм, содержащих элементы некоторых благоприятных последствий

для лиц, совершивших преступления [13, с. 26—33; 14, с. 16, 17]. Это позволяет говорить об этих нормах как об уголовно-процессуальных мерах определенного поощрительного характера.

Выделив, исходя из позиций формальной логики, две противоположные категории — «поощрение» и «принуждение», проанализируем положения действующего УПК РФ. Сразу обращают на себя внимание сами названия структурных частей УПК РФ — «Раздел IV. Меры процессуального принуждения», «Глава 13. Меры пресечения», «Глава 14. Иные меры процессуального принуждения», указывающих на некоторую репрессивную направленность современного российского уголовно-процессуального законодательства. А диалектические основы построения какой-либо системы требуют наличия двух диаметральных противоположностей, однако в УПК РФ из категорий «поощрение», «принуждение» представлены одной стороной — принуждением.

Система уголовно-процессуального законодательства не могла бы существовать, если была бы представлена только принуждением без поощрения. Действительно, заложенная в Конституции Российской Федерации общая тенденция, направленная на защиту личности, вовлеченной в орбиту уголовного судопроизводства в целях облегчения его участи, совершенно очевидна [15, с. 81—86]. Это находит отражение как в отдельных пунктах некоторых статей, так и в целых главах и разделах, например:

- свидетельский иммунитет (п. 40 ст. 5 УПК РФ);
- прекращение уголовных дел (по некоторым реабилитирующим и нереабилитирующим основаниям) (пп. 5, 6 ст. 24 УПК РФ; ст. 25, 28, 28.1 УПК РФ);
- особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ) [16, с. 186—190];
- особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ);
- меры безопасности (ст. 317.9 УПК РФ);
- меры воспитательного воздействия (ст. 427 УПК РФ);
- производство в отношении специальных субъектов (гл. 52 УПК РФ).

Думается, следует определить общие признаки, которые позволяют отнести вышеуказанные нормы к числу поощрительных.

Свидетельский иммунитет и прекращение уголовного дела имеют общий признак, выражающийся в том, что лицам предоставляется возможность прекратить свое участие в уголовно-процессуальных правоотношениях. Нормы ст. 317.9 УПК РФ, а также гл. 40, 40.1, 52 УПК РФ предусматривают некоторые преимущества, предоставляемые при производстве по делу. Причем предоставление мер безопасности является поощрением со стороны государства по отношению к лицам, исполняющим свой гражданский долг. Меры воспитательного воздействия позволяют избежать судимости за совершенное преступление.

Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства России позволил сделать выводы о наличии поощрительных норм в уголовно-процессуальном законодательстве. Одновременно следует констатировать, что в современной науке уголовно-процессуального права не разработана теория уголовно-процессуального поощрения.

Современные авторы считают поощрение одним из средств правового стимулирования и упоминают об уголовно-процессуальных нормах поощрительной направленности [5, с. 75, 77].

Поэтому, признавая наличие уголовно-процессуального поощрения как правовой категории, требуется сформулировать понятие поощрительных мер, цели и общие условия их применения, определить место в системе уголовно-процессуального законодательства и, наконец, классифицировать нормы, регламентирующие применение поощрения.

Разработанные формальной логикой правила определения понятий требуют первоначально указать существенные признаки, присущие некому понятию.

Цель применения поощрения — продемонстрировать проявление и реализацию демократических и гуманистических принципов правосудия [17, с. 162—167]; предоставить возможность участникам уголовного судопроизводства исполнить свой гражданский долг; гарантировать неприкосновенность правового статуса; показать, что начатое уголовное преследование оказало положительное воздействие и цели уголовного наказания достигаются уже на стадии предварительного расследования; лицо,

совершившее преступление, стимулируется на посткриминальное поведение четко определенными благоприятными для него последствиями.

Ранее в юридической литературе были выявлены особенности поощрительных норм, состоящие в том, что они не предписывают «определенного, одобряемого государством положительного поведения, а закрепляют стимулы для такого поведения» [18, с. 40]. Применительно к уголовно-процессуальному праву это не совсем так. Представляется, что нормы действующего УПК РФ свидетельствуют не в пользу этого утверждения, поскольку они в некоторых случаях четко очерчивают круг предоставляемых законодателем благоприятных последствий, участник уголовного судопроизводства должен иметь четкие представления о своих будущих перспективах.

В основе принятия любого процессуального решения лежат юридические и фактические основания. Фактические основания могут быть обусловлены вышеуказанными целями применения поощрения в уголовном судопроизводстве. Юридические основания должны быть закреплены в специально созданной для этого норме УПК РФ.

Современное уголовно-процессуальное законодательство России предусматривает в ст. 97 УПК РФ перечень оснований для избрания меры пресечения. Представляется, что законодательное закрепление должны найти и основания применения поощрительных норм.

Законодателем уже сделан первый шаг в этом направлении, а именно при определении обстоятельств, подлежащих доказыванию. Так, от лиц, осуществляющих уголовное преследование, требуется установление обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния (п. 5 ст. 73 УПК РФ); смягчающих наказание (п. 6 ст. 73 УПК РФ); обстоятельств, могущих повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания (п. 7 ст. 73 УПК РФ).

Выступая с предложением о законодательном закреплении общих условий применения поощрительных норм уголовного судопроизводства, нельзя не вспомнить о взглядах критиков континентальной системы права. В качестве отрицательной стороны применения норм права они говорят о невозможности предусмотреть все ситуации для применения конкретной нормы.

Но нужно учитывать, что законодательной технике известен казуистический способ содержания законодательных актов. Он позволит сформулировать основания и условия применения как для всех поощрительных норм, так и для каждой отдельно.

В основу классификации поощрительных норм, известных современному уголовно-процессуальному законодательству, могут быть положены основания, относящиеся как к стороне обвинения, так и к стороне защиты, применяемые дознавателем и следователем или судом; требующие активного посткриминального поведения и зависящие от особенностей процессуального статуса лица.

Проанализировав признаки поощрительных норм, можно утверждать, что это совокупность норм, позволяющих предоставить определенные привилегии участникам уголовного процесса в связи с их статусом или совершением действий, способствующих выполнению назначения уголовного судопроизводства.

Изложенное в статье дает, как представляется, основания для того, чтобы законодатель признал необходимость закрепить общие условия применения поощрительных норм в действующем УПК РФ, а при принятии новой его редакции [19, с. 240—242] найдет возможность сконструировать его таким образом, чтобы объединить поощрительные нормы и основания их применения в отдельном разделе. Автор понимает, что высказанные в настоящей статье суждения не бесспорны и конечно же, вопрос о поощрительных нормах в уголовно-процессуальном праве нуждается в дальнейшем исследовании.

Список библиографических ссылок

1. Печников Г. А., Блинков А. П., Волколупов В. Г. Объективно-истинный и состязательный уголовный процесс // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 1.
2. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М., 1982. Т. 2.
3. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса.
4. Дикарев И. С. Диспозитивность в уголовном процессе России / под ред. проф. А. П. Кругликова. Волгоград, 2005.
5. Русман Г. С. Процессуальный характер поощрительных правоотношений в уголовном судопроизводстве: постановка проблемы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2011. Вып. 28. С. 75—79.
6. Ланге Н. И. Исследование об уголовном праве Русской Правды. СПб., 1860.
7. Жижиленко А. А. Задачи текущего момента в области русского уголовного законодательства // Отчет о состоянии и деятельности императорского Петроградского университета за 1915 год. Пг., 1916.
8. Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб., 1914.
9. Головкин Л. В. Современная практика освобождения от уголовного преследования в Шотландии // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1998. № 2. С. 74.
10. Баранов В. М. Поощрительные нормы советского социалистического права / под ред. М. И. Байтина. Саратов, 1978.
11. Меньших А. А. О возмещении ущерба жертвам преступлений во Франции // Журнал российского права. 1999. № 3/4. С. 165.
12. Donald J. Newman. Conviction: The Determination of Guilt or Innocence Without Trial. Little Brown, 1966.
13. Алексеева А. П. Деятельность российской полиции в оценках общественности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. № 4. С. 26—33.
14. Алексеева А. П. Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации (кадровый профессионализм, открытость для доверия и оптимизация): проблемы и перспективы реализации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 4. С. 16—20.
15. Ашуров В. К. Применение норм уголовно-процессуального права: теоретические аспекты // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 4. С. 81—86.
16. Шматов М. А., Балконский А. Г., Дмитриенко С. А. Судебный контроль в процессе досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 1. С. 186—190.
17. Решетников В. М., Егорова Н. А. Наглядность в уголовном судопроизводстве (уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 2.
18. Баранов В. М. Поощрительные нормы советского социалистического права / под ред. М. И. Байтина. Саратов, 1978.
19. Кругликов А. П. Многочисленные изменения и дополнения в УПК РФ вызывают необходимость подготовки и принятия новой его редакции // Право и его реализация в XXI веке: сб. науч. тр. по матер. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию Сарат. гос. юрид. академии, Саратов, 29—30 сентября 2011 г.): в 2 ч. Саратов, 2011. Ч. 1.

© Кабельков С. Н., 2015